

Министерство образования и науки Украины
Харьковский национальный университет
имени В. Н. Каразина

ПОЛОРОЛЕВАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Под ред. доктора психологических наук
профессора А. С. Кочаряна

Монография

Харьков – 2015

УДК 159.922.1
ББК 88.37
П 49

Рецензенты:

Хомуленко Т. Б. – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой практической психологии Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды;
Иванова Е. Ф. – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей психологии Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина.

*Утверждено к печати решением Ученого совета
Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина
(протокол № 14 от 26 декабря 2014 года)*

*Утверждено к печати решением тренерского совета
Всеукраинского института клиент-центрированной
и экспириентальной психотерапии
(протокол № 5 от 2 февраля 2015 года)*

П 49

Полоролевая психология : коллективная монография / [А. С. Кочарян, М. Е. Жидко, Н. Н. Терещенко, Е. В. Фролова] ; под ред. доктора психологических наук, профессора А. С. Кочаряна. – Х. : ХНУ имени В. Н. Каразина, 2015. – 236 с.

ISBN 978-966-285-249-3

В монографии представлен анализ основных теоретических и психодиагностических подходов к полоролевому пространству личности. Выделены структурные модели организации полоролевой сферы личности. Описан оригинальный инструментарий их диагностики. В работе сделан акцент на общепсихологическом подходе к анализу структуры и функционирования полоролевой сферы личности, что и отличает данный подход от социальнопсихологической и социологической гендерологии. Монография ориентирована на студентов, которые обучаются по специальности «Психология», а также на специалистов в области психологии пола и гендера, и всех, кто интересуется психологией пола.

УДК 159.922.1
ББК 88.37

ISBN 978-966-285-249-3

© Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, 2015
© А. С. Кочарян, М. Е. Жидко, Н. Н. Терещенко, Е. В. Фролова, 2015
© И. Н. Дончик, макет обложки, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие: от пола и гендера к половой роли.....	5
Раздел 1. Полоролевое пространство в культуре и личности.....	13
1.1. Становление представлений о мужественности и женственности.....	13
1.2. Типы полоролевого дискурса.....	42
1.2.1. Эволюционно-биологический (социобиологический) дискурс.....	43
1.2.2. Психодинамический дискурс.....	46
1.2.3. Социально-психологический дискурс.....	63
1.2.4. Постмодернистский дискурс.....	81
1.3. Модели полоролевой идентичности личности.....	116
1.4. Полоролевое пространство личности.....	120
Раздел 2. Психодиагностика полоролевой сферы личности.....	131
2.1. Психологическая диагностика уровневых характеристик полоролевой сферы личности.....	132
2.1.1. АСЛ-шкала полоролевого поведения А. Б. Хейлбрана.....	133
2.1.2. Шкала маскулинности/фемининности ПДО.....	138
2.1.3. Шкала выраженности мужских и женских черт характера ММРІ (5-я шкала).....	143
2.1.4. Психосексуальная пропорция – шкала Dur-Moll (D:M) в методике Л. Сонди.....	148
2.1.5 Шкала Д. Бейкама.....	154
2.1.6. Шкала маскулинности/фемининности опросника Т. Григера.....	155
2.1.7. Психодиагностическая карта образований маскулинности/фемининности.....	159
2.2. Психологическая диагностика структурных характеристик полоролевой сферы личности.....	166

2.2.1. Структурная полоролевая шкала А. С. Кочаряна, Е. В. Фроловой.....	166
2.2.2. Психометрическая оценка структурной полоролевой шкалы.....	169
2.3. Психологическая диагностика субъективных репрезентаций полоролевого пространства.....	179
2.3.1. Метод направленного воображения «Визуализация мужского и женского начал».....	179
2.3.2. Методика «Рисунок мужчины и женщины».....	198
Литература.....	225

ПРЕДИСЛОВИЕ

ОТ ПОЛА И ГЕНДЕРА К ПОЛОВОЙ РОЛИ

Гендерная психология, экстенсивно разрабатываемая, а последние десятилетия в контексте недостаточно артикулированного и дисциплинарно неспецифического концепта «гендер», фактически заменила и психологию пола, и отчасти дифференциальную психологию, редуцировала человека к его социальным характеристикам. В этом смысле гендерная психология фактически является частью социальной психологии, причем той ее ветви, которая развивается из социологического корня. Сведение маскулинности к инструментальности, а фемининности – к экспрессивности [151] отражает определенный гендерный порядок, под которым понимается «иерархически организованная система отношений между полами, охватывающая все стороны социальной жизни – приватной и публичной» [35].

Содержание маскулинности и фемининности «шьется» по культурно-специфичным лекалам, фреймам, посредством которых происходит легитимизация или делегитимизация связанных с полом репрезентаций.

Согласно Г. Хофстеду [143], параметр «маскулинность – феминность» («masculinity – femininity») является одним из четырех измерений культуры. Маскулинная культура предполагает ориентацию на материальные ценности и власть, на жесткую дифференциацию половых ролей и дисциплину, на независимость, достижения, признание и успех, на работу как смысл жизни и т. п. Этот параметр определяет и отношение к добрачным интимным связям, и к абортам, и к стилю социализации детей, и к ценностям жизни и т. п. Маскулинные культуры являются «скуными» (Япония),

а фемининные, напротив, склонны помогать бедным странам (Швеция) [96]. Многие формы индивидуального поведения и стиля жизни определяются, таким образом, культурными фреймами.

Э. Э. Сэмпсон [153, с. 2] отмечает, что «феминистские реконцептуализации патриархальной версии социальной, исторической и психологической жизни представляют несколько кардинально различных точек зрения на феномен человечности». Авторы феминистического толка предлагают модель зрелого Я, которое не связано с личной автономией и коммуникативным дистанцированием [131, с. 253]. В отличие от фаллоцентристой антропологической модели, основанной на базисном параметре «сепарация – индивидуация», феминистическая модель строится на «"голосе" взаимодействия и связей», а не на «"голосе" границ и сепараций» [152]. Р. Джосселсон [149] пишет, что «женщины никогда не позиционируют себя отдельно от других из-за специфики развития в раннем детстве. ...В силу того, что мать – первичный объект любви и имеет при этом тот же пол, что и дочь, идентификация не требует такой мощной сепарации, как в случае с сыном. Для того, чтобы идентифицировать себя в качестве мужчины с отцом, сын должен избавиться от своей первичной привязанности к матери» [131]. Поэтому у девочек «границы Я никогда не являются столь ригидными, как у мальчиков, и базальное женское ощущение Я весьма гибко связано с миром» [149, с. 170]. Женская идентичность означает «быть с...», а привязанность к другим является способом определения внутреннего мира. Мужская культура – это культура самоутверждения, власти, индивидуальных различий, одиночества и отделенности, женская – культура общности, контактов, объединения, кооперации и пребывания вместе [131, с. 255].

Р. Джосселсон отмечает, что «наша психология развития так же, как и наша культура в целом, склонна приравнивать зрелость к независимости и непроницаемости личных границ, сводя, таким образом, взаимопроникновения различных Я, существующих во взаимоотношениях, к менее зрелым формам существования» [149, с. 185].

Иной контекст гендерного дискурса – это не адаптивные гендерные формы, а драматические поиски личности утвердить свою маскулинность, вопреки противоречивым, неясным и даже двойным гендерным посылам. Такая невписанность в культуру приняла форму «кризиса маскулинности», который обсуждался в 70-е – 80-е годы XX века в контексте российского либерального дискурса. Такой кризис связан с невозможностью реализации существующей в культуре нормативной модели истинной мужественности. «“Кризис маскулинности” – в позднесоветском дискурсе – это метафора, за которой скрывается признание социальной болезни общества. Невозможность исполнения традиционных мужских ролей, связанное с ограничениями либеральных прав (собственности, политических свобод, свободы совести) имплицитно считаются причиной разрушения истинной мужественности, хотя открыто этот тезис не заявляется вплоть до конца 1980-х годов» [35]. Мужчины позднесоветского периода описывались виктимизационной или/и дефицитарной моделями (естественно в сравнении с нормативными) как неудачники, неполноценные существа, которых следует беречь – низкая продолжительность жизни (мужская сверхсмертность – мужчины живут меньше женщин на 13,5 лет [25] и на 15–18 лет, чем мужчины развитых стран [55], самодеструктивные практики (пьянство, алкоголизм, курение, «неумеренность в еде»), несчастные случаи, рост заболеваемости среди мужчин и прочее [55]. А мужчины умирают потому, что на них нет реального спроса в обществе: феминизм способствовал девальвации маскулинности. Женщины требовали себе властного фаллоса, все больше брали на себя ответственность за семью. Фаллос же «пылился в углу» – мужчина его снял, а женщина так и не взяла. Никто ни за что не отвечает, а это была прерогатива мужчин и взрослых. Причем, самым взрослым ранее был мужчина – и в этом его нормативная модель. В результате сформировался феномен девальвации взрослости – мальчики не хотят взрослеть, так как ничего хорошего в этом нет, проблем больше, чем пользы. Эти два феномена девальвации (мужественности и взрослости) породили раз-

ного рода девиации мужского поведения – разводы, безответственность за детей, незрелую маскулинность, брутальность и т. п. Вспоминается анекдот. Жена говорит мужу: «Ты – неудачник! Живешь за мой счет, я тебе варю, стираю, глажу, ты меня имеешь как женщину». На что муж резонно парирует: «Это кто еще неудачник?! У меня жизнь сложилась!». «Брутальная маскулинность, склонность к насилию ... есть результат воспитания мальчиков в подростковых гомосоциальных средах, где нет воздействия старших мужчин и идет компенсаторное развитие мужской личности» [35]. Д. Н. Исаев и В. Е. Каган [39, с. 29] пишут, что мальчики, которые воспитываются без отца «либо усваивают “женский” тип поведения, либо создают искаженное представление о мужском поведении как антагонистически противоположном женскому и не воспринимают всего того, что пытается привить им мать. В обоих случаях складывается вульгаризированное представление о мужском поведении как агрессивном, грубом, резком и жестоком...».

Трансформационные процессы фактически приводят к формированию девиантных форм маскулинности, которые противостоят нормативным моделям. Е. А. Здравомыслова, А. А. Темкина [35] выделили следующие нормативные модели маскулинности:

1) гегемонная советская маскулинность – мужчина-воин, на него можно положиться, за его плечами опыт участия в героической индустриализации страны и Великой Отечественной войны. «Его жизненный путь – это путь солдата-освободителя, строителя могучей советской державы. Жизнь советского мужчины предшествующего поколения наполнена смыслом. Служение родине (государству) – его мужского призвание. Это служение достойно вознаграждается – он становится героем. Еще одна черта данного культурно-антропологического типа – способность к мужской дружбе в сочетании с готовностью подчинения, которую Ю. А. Левада называет иерархическим эгалитаризмом. Она предполагает соединение жесткой субординации с этосом товарищества. Догматизм и нетерпимость – также типичные черты такого типа личности, которые в положитель-

ном варианте рассматривается как верность принципам. Психологические черты этого типа мужчины производны от его основной военно-защитной функции» [35]: героизм, готовность пожертвовать своей жизнью, отказаться от нее во имя создания сильной военной супердержавы, защитник отечества, настоящий отец («именно отец является чистым культурно-антропологическим типом “простого советского человека”» [35]). В отличие от немцев, участников Второй мировой войны, ими гордятся. В Германии же, напротив, наблюдался феномен отвержения политической биографии старых людей [150] – отмежевание от массового травматического опыта виновников и/или жертв нацистского режима.

Комплементарным женским образом становится женщина как представительница «слабого пола», который нуждается в защите.

2) Традиционная русская маскулинность, которая представлена двумя вариантами.

Первый вариант – «российский мужик, крестьянин-труженник, собственник» отражен в прозе писателей-деревенщиков, получившей наибольшую популярность в 1970-е годы (В. Г. Распутин, В. А. Солоухин, В. И. Белов, Ф. А. Абрамов).

Второй вариант – «аристократ... Мифологизация дворянина-декабриста характерна для либерального дискурса познесоветского периода». Доблесть, честь, соответствие слова и дела, некоторые «дебоширство», «разгульное поведение», культ экзальтированной мужской дружбы как противопоставление другим отношениям (с женщинами и членами семьи). «Недостижимый идеал настоящего мужчины – декабриста, противостоящего деспотизму и тирании, равно как и его хабитус, сочетающий уверенность в себе, любезность, куртуазность, дебош, был мечтой советской интеллигенции и пропагандировался лучшими образцами советского творчества» [35] – «не покупается честное имя, талант и любовь» (Б. Окуджава).

3) Западная гегемонная маскулинность – «образ ковбоя, независимого, благородного, уверенного в себе, одинокого, строящего жизнь в согласии с кодексом чести, готового

и способного защитить слабого. Такой герой противопоставит несправедливости общественного устройства в одиночку или с верными друзьями» (образы, созданные Э. М. Ремарком и Э. Хемингуэем, кинематографом, журналом «Иностранная литература»).

Особенность приведенных нормативных моделей состояла в том, что они никогда не могли быть реализованы [111] – то ли в силу очевидной бессмысленности модели гегемонной советской маскулинности, которая явно устарела и стала «пахнуть нафталином» (никто уже на родину не посягает, сильно ослабла вера в коммунистическую утопию), то ли в силу нереальности модели, ее несоответствия социалистическим реалиям, когда у мужчины существенно ограничены права собственности, возможности политического волеизъявления, независимого действия и индивидуальной свободы (это модели традиционной русской и западной гегемонной маскулинности). Фактически мужчина был лишен реальной маскулинности, которая принадлежала исключительно первому лицу в государстве, а все остальные – его «клоны» (по манере одеваться, интересам, вкусам, мировоззрению и т. п.), они служат ему. Он – Отец народов, якобы всем все дающий и обо всех заботящийся. Со временем становилось все яснее, что на самом деле это не отец, а в лучшем случае отчим – никто ни о ком не заботиться. В позднесоветском обществе и в обществе 90-х каждый должен был думать о себе и своей семье сам. Рушились традиционные социальные структуры: индивидуальная перспектива, уважение к возрасту (каждый сам за себя), доверие к государству, к учителям, врачам и т. п., «социальный лифт», гарантированно обеспечивающий социальное развитие как переход от одной социальной структуры к другой (детские ясли→детский садик→школа→институт→работа→пенсия). Теперь больше следовало полагаться на себя, на свою индивидуальную активность и при этом маскулинность выглядела не как функция общества, а как индивидуальная функция, противостоящая социальной системе. Формировались альтернативные маскулинности, «которые объединены протестом против советской гендер-

ной системы и ориентацией на компенсирующую маскулинность» [35] в сфере теневой экономики, диссидентского движения, культурных и элитных сред. «Деяние, Честь и Стиль становились атрибутами альтернативных маскулинностей» стилистически оформленных «обликом физически сильного, здорового, богатого, дорого и со вкусом одетого мужчины» [35].

Маскулинность как реализация гендерных ролей, описываемых как просоциальная или альтернативная практика имеет определенные ограничения как психологический концепт. Социальный конструктивизм внес существенный вклад и, соответственно, модифицировал понимание пола, который стал гендром. Гендер – это социальное функционирование мужчины и женщины, концептуально описываемое разными категориями (например, «социальная роль»). Концепция половой дихотомии, основанная на различии функций мужчины и женщины в репродукции, стала сменяться (дополняться) концепцией множественности пола, а точнее, гендеров. Особенности репродуктивной функции, как понятно, перестали играть сколько-нибудь существенную роль в определении гендера. ... Концепция множественности полов позволяет утверждать, что существует не два (мужчина и женщина), а много полов. ... В этом смысле можно говорить о гетеросексуалах, гомосексуалах, транссексуалах и т. п. Концепция множественности полов, на самом деле, является концепцией множественности гендеров. Такая концепция приводит к половому релятивизму, к утере пола, а не к углублению его понимания. К чему на практике ведет гендерный релятивизм? Думается, что к путанице. Пол без биологического тела, пол как социальная конструкция позволяет по-новому решать старые проблемы, в том числе и проблемы формирования и функционирования неосексуальных практик в культуре. Концепция социальной терпимости в отношении «новой сексуальности» «не должна уступить место концепции нормативности этой сексуальности» [63].

В отличие от социального дискурса, в котором гендерная практика отражает социально адаптивные и альтернатив-

ные модели сцепленных с полом ролей, что описывается гендерной психологией и социологией, интерес представляет анализ структур маскулинности и фемининности в личности, их формирование в онтогенезе, их типология и особенности функционирования. Это определяет предмет полоролевой психологии, которая является частью общепсихологического знания. В этом смысле полоролевая психология в достаточной мере дистанцирована от социального контекста, являясь гендерной антропологией. О. Вейнингер [15] представил маскулинность и фемининность как сложные, многоуровневые образования, понимание которых не может быть осуществлено в рамках одного социального вектора, на что собственно ориентирована гендерология. В этом смысле полоролевая психология строится по лекалам психологии, в ее концептуальном строе. Гендерная же психология, являясь частью гендерологии, опирается на ее аксиологию (прежде всего), проявляя некоторую заангажированность, когда научные тезисы выводятся не из логики развития самой науки и результатов исследования, а из некоторых социальных предпочтений. Так, А. А. Ткаченко [117], нормализацию гомосексуализма описал как «эпистемологическую катастрофу», когда все решалось путем голосования с перевесом в один голос [70].